ПЕТЕРБУРГСКОЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

Язык и Речевая Деятельность

2010 - 2011

ИЗДАЕТСЯ С 1998 г.

Том 11

В честь Н. Д. Светозаровой

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
2011

А. В. Павлова. Как все начиналось, или Исторический экскурс в конец 70-х 7
М. Г. Арсеньева. О значении и употреблении псевдо-придаточных предложений в немецком языке 10
О. В. Байкова. Влияние гендерных различий на речевое поведение российских немцев Кировской области 20
И. А. Баринова. Некоторые аспекты изучения смысловой структуры текста 25
Н. В. Богданова. Действительно ли наша устная речь экономна в средствах? 33
Е. А. Брызгунова. Фонологический метод при изучении морфологического и синтаксического аналитизма в русском языке 45
Т. де Грааф. Этническое меньшинство в Евразии: меннониты, их язык и связи с Нидерландами, Германией и Россией 59
В. Н. Денисов. Исторические звуковые коллекции фонограммархивов Европы как источник для исследования языка и фольклора финно-угорских народов 74
Э. Йон. «Народная песня» Генриха Гейне (перевод с немецкого *А. Павловой*) 81
Л. Л. Касаткин. Начальный этап перехода от сильного яканья к умеренному в говоре с. Куничи Флорештского района Молдавии 89
О. Ф. Кривнова. Интонационно-паузальное членение речи в контексте модели речепо рождения 95
И. М. Логинова. Статус интонационной единицы языка 106
Л. Э. Найдич. Из истории немецких прилагательных: *licht*, *hell*, *klar* 117
Т. М. Николаева. «Ключи» нарратива — лексемы художественного текста 131
И. Г. Овчинникова. Особенности пауз хезитации в русской речи (на материале сопостав ления монологов носителей языка и русско-иврит/иврит-русских билингвов) 147
С. Оде. Тундренный юкагирский язык: к описанию интонации 155
В. М. Павлов. Заметки о немецком втором причастии 164
А. В. Павлова. Семантика и просодия контраста при восприятии письменной речи 172
И. Пфандль-Бухеггер, М. Инзам, И. Ландзидлер. Лучше слышим — лучше говорим: улучшение навыков устной речи с помощью повышения аудитивной компетенции. 186
Л. Я. Слинина. О роли парадигматических отношений в реализации структурно- и функционально-семантических свойств относительных прилагательных в немецком языке (на примере прилагательных с временным значением) 197
С. Б. Степанова. Темп спонтанной русской речи (по материалам Звукового корпуса повседневного общения «Один речевой день») 204
Э. де Хаард. К вопросу о передаче прямой речи в художественном тексте (М. Ю. Лермонтов)..... 216
Т. Н. Чугаева. В поисках «архитектоники» английского слова 229
Т. Е. Янко. Лексическая семантика обращений: семантические особенности русских антропонимов и других имен, обозначающих людей 239

Янко Т.Е. Лексическая семантика обращений: семантические особенности русских антропонимов и других имен, обозначающих людей // Язык и речевая деятельность. Т. 11. Спб. 2011. С. 239-255.

Т.Е. Янко

ЛЕКСИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА ОБРАЩЕНИЙ: СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РУССКИХ АНТРОПОНИМОВ И ДРУГИХ ИМЕН, ОБОЗНАЧАЮЩИХ ЛЮДЕЙ[1]

Ограничения на использование имен в роли обращений объясняются согласованием лексической семантики и прагматических функций. Выделяются две основные функции обращений: зов (*Вася, обедать!*) и поддержание контакта (*Спасибо, доктор!*). Для использования в функции зова имени необходима способность идентифицировать слушающего в коммуникативном пространстве, а для поддержания общения – способность выражать отношение говорящего к слушающему. Выделяется пять семантических классов: I) таксономические классы людей, обладающих постоянным или устойчивым признаком (*узбек, студент*); II) оценки (*предатель, сумасброд*); III) роли людей в ситуациях (*докладчик, свидетельница*); IV) реляционные слова (*шеф, земляк*); V) имена собственные (*Вася*). Имена собственные служат универсальными обращениями, они используются и для зова, и для поддержания контакта. Как идентификаторы используются имена ролей (III) и реляционные слова (IV), поэтому они служат для зова, а отношение говорящего к слушающему могут выражать оценки (III) и реляционные слова (IV), поэтому они часто используются для поддержания контакта. Слова ядерного семантического класса I, обозначающего людей, как правило, не служат ни для зова, потому что у них слаба идентифицирующая функция, ни для поддержания общения, потому что в их семантической структуре отсутствует сема отношения говорящего к слушающему.

В работе «Фонетические особенности русских антропонимов» Н.Д. Светозарова обращает внимание на уникальные способы артикуляции русских имен собственных и имен-отчеств, в частности, в контексте речевого акта обращения[2]. В нашей работе мы предлагаем обратиться к другому аспекту функционирования имени – как имени собственного, так и других именований человека в контексте обращений, а именно – к семантическому. Традиционно считается, что способность имени со значением человека выступать в функции обращения, является словарным свойством соответствующей единицы (Schegloff 1968; 1972; Zwicky 1974; Даниэль 2009: 226-227). Так, А. Цвикки убедительно показывает, что в паре слов с близким значением *doctor* ‘доктор’ и *physician*

[1] [1] Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках гранта Президента РФ для государственной поддержки ведущих научных школ РФ, проект № НШ-1140.2012.6 "Образы языка в лингвистике начала XXI века" (рук. В.З. Демьянков).

[2] В работе говорится о сдвиге ударения в сложных именах с конечной (нейтральной) позиции (*Иван* ***Петрович***) на начальное имя (***Иван*** *Петрович!*) при упреке, укоре, угрозе (Светозарова 2010: 115).

‘врач’ *doctor!* – «хорошее» обращение, а *physician!* – «плохое». Это верно и для соответствующей русской пары слов: *Доктор, я буду жить?* vs. **Врач, я буду жить*. Ср. также тройку слов *водитель*, *таксист* и *шофер*, где *водитель!* это «хорошее» обращение, а *таксист!* и *шофер!* – нет: *Водитель, откройте заднюю дверь!* vs. ?*Таксист, мне на Курский вокзал!*; ?*Шофер, остановите у светофора!*. Между тем положение о том, что такое отличие лексемы *доктор* от лексемы *врач* идиоматично и может быть отражено только как уникальное свойство каждой из лексем в словаре, верно лишь отчасти. Ниже мы надеемся дать способности имени выступать в функции обращения некоторое операциональное объяснение, т.е. выделить семантические признаки, которые отличают лексемы типа *доктор* от лексем типа *врач* и контролируют использование именной группы в вокативной роли. Это даст возможность оперировать не только конкретными словами в словаре, но и более крупными классами слов, а также объяснить способность слов выступать в качестве обращений.

В разделе 1 рассматриваются факторы, которые определяют выбор лексемы в речевом акте обращения. Это разновидность вокативной иллокутивной силы, включенность в особые – вокативизирующие – конструкции, фактор культурной традиции, в существенной степени формирующей вокативный политес и, соответственно, влияющей на структуру вокативных выражений. В разделе 2 вводится понятие вокативного потенциала слова, которое призвано объяснить лексическую способность существительного использоваться в функции обращения. В разделе 3 рассматривается функционирование различных лексико-семантических классов существительных в вокативных функциях.

1. Факторы, влияющие на выбор лексемы в обращениях

Поведение лексем в функции обращений регламентируется семантикой имени, которая согласуется (или не согласуется) с семантикой различных типов речевого акта обращения, и другими факторами.

1. Начнем с того, что речевой акт обращения неоднороден. Обращения подразделяются на множество достаточно разнообразных типов. Для зова, или обращения, инициирующего контакт в условиях удаленного доступа (английские термины calls (Zwicky 1974) или summonses (Schegloff 1968)), существенна функция идентификации слушающего в окружающем мире: *Виктория Сигизмундовна, к телефону!*; *Эй на чердаке, спускайтесь по одному! Ты, в шляпе, встань в очередь!*. В этом случае преимущества получают уникальные имена людей, описания их пространственной локализации (своего

рода «адрес») и уникальные признаки. Анализ обращений в идентифицирующей функции, которая противопоставлена характеризующей функции, дает Н.Д. Арутюнова (1977: 340-344).

При уже инициированном контакте (английский термин addresses, подходящий русский термин нам неизвестен) легко активизируется модель социальной стратификации, которая может быть заключена в слове. Она способна отразить вежливое отношение говорящего к слушающему как к старшему (*шеф, профессор, папаша, тетенька*), младшему (*сынок, детка*), равному (*коллега, земляк*).

При выражении особых чувств говорящего по отношению к слушающему релевантна символика и метафорика умиления, гнева, презрения, насмешки: *душенька*; *солнышко*; *радость моя*; *рыбка моя*; *дубина*. В условиях уже инициированного контакта говорящий может отразить в обращении и свою оценку, которая выражется соответствующей лексемой: *спаситель*, *благодетель*, *провидец, искуситель, красавица, предатель, умница*. И слова, выражающие чувства метафорически (*солнышко*), и слова оценки (*умница*) направлены на выражение отношения говорящего к слушающему, прежде всего, положительного, которое в контексте обращения служит основным условием нормального общения.

Как уже говорилось выше, А. Цвикки в своей влиятельной работе, посвященной обращениям, показал, что лексема *physician* ‘врач’ «плоха» в роли обращения (Zwicky 1974: 790). Между тем он же признает, что в крылатом выражении *Physician, heal thyself* ‘Врач, исцелися сам’ *лексема physician* употреблена вокативно (Zwicky 1974: 799)[3]. Разрешение этого противоречия мы видим в выделении особого класса обращений с генерическим адресатом и нереферентным говорящим, которые входят в состав сложных речевых актов, не направленных непосредственно на вступление в контакт. Такие речевые акты мы предлагаем называть демагогическими призывами: *Студент, гордись тем, что ты учишься в лучшем педагогическом вузе страны!; Строитель! Строй добротно и красиво; Пролетарии всех стран, соединяйтесь!; Советские женщины! Будьте в первых рядах общенародной борьбы за успешное выполнение планов четвёртого года пятилетки!*[4]. Такие квазиобращения направлены не на отождествление слушающего как

---

[3] В той же статье (Zwicky 1974: 799) приводится другой пример вокативного использования лексемы *physician* в циркулярных письмах председателя Американского терапевтического общества, которые начинаются со слов *Dear physician!*. Ниже, в пункте 4 настоящего раздела говорится о вокативизирующей функции слов *дорогой, уважаемый, глубокоуважаемый*, которые расширяют вокативные возможности слов с низкой вокативной способностью.

[4] Это и другие аналогичные выражения мы почерпнули на сайте «Советские плакаты. Антикварная графика. 1917-1991» (http://www.sovietposters.ru): *Гордись, советский пионер, твоя страна - СССР!*; *Комсомольцы, вперед!; Пионеры, на отдых!; Крепни, дружба детей трудового народа земли!; Учёба - главный твой труд,*

получателя информации и не на выражение отношения к нему говорящего, а на выделение потенциальных исполнителей некоторого абстрактного, но благородного действия: бороться, объединяться, цвести, исцеляться, быть в первых рядах. Такое употребление существенно расширяет круг именных групп, совместимых с вокативной ролью.

Ниже мы сосредоточимся на рассмотрении двух базовых типов вокативных иллокутивных сил: 1) обращений, инициирующих контакт, или calls (*Вася, можно тебя на минуточку!*), и 2) обращений, поддерживающих контакт, или addresses (*Я, Вань, такую же хочу*), потому что именно в рамках этого иллокутивного противопоставления лексические единцы обнаруживают основные различия.

2. На формирование обращения более, чем на формирование других типов речевых актов, влияют прагматические условия общения, например пространственная, психологическая и социальная дистанция между коммуникантами. О фонетической стороне этого вопроса пишет Н.Д. Светозарова (2010): обращения в условиях пространственной и психологической близости акцентируются иначе, чем в условиях удаленности говорящего от слушающего. Между тем на выбор лексемы фактор прагматической дистанции тоже может оказывать решающее влияние, ср. пары, в которых выбор лексем для обращения продиктован противопоставлением «официальное обращение» vs. «неофициальное обращение в сниженном стиле»: *Василий Петрович!* vs. *Вась, а Вась!*; *Коллега!* vs. *Чувак!*.

3. На выбор слова при обращении и на закрепление слова или конструкции в роли клишированного политесного обращения более, чем при формировании речевых актов других типов, влияет культурная традиция. Так, лексемы *папа* и *мама* закрепляются в качестве обращений, потому что в русской культуре человек обращается к родителям по термину родства, а при обращении родителей к детям, супругов к друг к другу, зятя к теще и тещи к зятю используются имена и имена-отчества. Лексемы *свекровь* и *сноха* не фигурируют как обращения, а употребление слов *сын, жена, брат* регламентируется достаточно сложными правилами, принадлежащими, скорее, к сфере культуры, чем к сфере языка. Владение вокативным политесом подразумевает у говорящего знания о том, как обращаются в данной культуре друг к другу супруги, другие родственники, например, дядя и племянники, братья и сестры, а также, как обращаются друг к другу сотрудники по работе, преподаватели и студенты, врачи и больные. В силу культурной традиции слова могут закрепляться в функции обращений и терять с течением времени эту роль. На

пионер!; Цвети и крепни, страна Пионерия!; Молодежь, в поход за знания!; Комсомольский прожектор, ярче свети!; Воин Красной армии, спаси!

наших глазах устаревают обращения *батюшка!*, *профессор!*, *гражданин!*, *барышня!* и возрождаются или возникают новые: *шеф!*, *командир!*, *сударыня!*. Анализ таких процессов не входит в нашу задачу. Этой проблеме посвящена большая литература, см. например (Rathmayr 1992; Кронгауз 1999; Gladrow 2008). Мы только констатируем, что одних семантических признаков при анализе обращений оказывается недостаточно, потому что многие различия продиктованы культурной традицией.

4. Для анализа семантических параметров обращений необходим также учет специальных вокативизирующих средств, которые превращают «плохие» обращения (?*Радиослушатели!*) в «хорошие» (*Дорогие радиослушатели!*; *Уважаемые абоненты радиотрансляционной сети!*). К основным вокативизирующим средствам мы относим политесные слова *дорогой*, *уважаемый*, *милая*, которые в этой роли используются не только тогда, когда слушающий действительно мил и дорог говорящему или уважаем (глубоко уважаем) им; местоимения *мой*, *наш* (*моя радость*, *друг мой, счастье/горе наше*), слова-обращения *господа*, *товарищи*, *гражданин*, диминутивные суффиксы (*дружок, дружочек, сынок, дяденька, солдатик*), вокативные междометия *Эй* и *О!* (*Эй, лингвисты!; О, Волга!*), сигнал призыва к началу действия *а ну-ка* (*А ну-ка, лингвисты!*), местоимения *ты* и *вы* (*Ты, лингвист!*), частица *слышь*. Вокативизирующие средства языка снимают многие ограничения и запреты на употребление именной группы в вокативной функции. Если слово может употребляться как обращение в контексте вокативизирующих конструкций, это не значит, что оно само по себе «хорошее» обращение, или иначе, у именных групп *сын* и *сынок*, *друг*, *дружок* и *дорогие друзья*, *брат* и *брат мой*, *двоечник* и у конструкции *эй ты, двоечник* различные вокативные возможности.

5. Мощным вокативизирующим контекстом для слов с низким вокативным потенциалом служат определительные группы, формирующие именную группу в виде дескрипции. Так, существительное *пассажир*, не имеющее специального вокативного потенциала (ср. ?*Пассажир, предъявите билет!*), обретает способность употребляться в функции обращения в контексте причастного оборота: *Пассажир, забывший в туалете бриллиантовое кольцо, обратитесь к бортпроводнику!*[5]. Дескрипции, которые используются в объявлениях, тоже формируют особый иллокутивный тип, который нацелен не на призыв, а на ограничение круга лиц, которым адресовано объявление.

6. Далее, на примере названий национальностей, которые в общем случае служат «плохими» обращениями (**Узбек!*), можно показать, что контекст контраста, который, как известно, нарушает многие семантические законы согласования смыслов в рамках

[5] Это объявление автор слышал на борту самолета, принадлежащего компании American Airlines. Объявление озвучивал русскоговорящий бортпроводник.

речевого акта, возвращает лексемам, включающим в толкование сему ‘национальность’, вокативную функцию. Так, в споре представителей народов, которые более других, пострадали от геноцида, например, евреев и армян о том, чьи страдания сильнее, вмешательство представителя нейтральной страны может быть остановлено репликой: *А ты, швед, вообще молчи!* ‘Ты не можешь участвовать в споре, потому что ты швед, а не армянин и не еврей, и не можешь судить о страданиях людей, чьи народы подвергались гонениям’.

7. Если название национальности становится прозвищем, оно тем самым приобретает абсолютный вокативный статус. При этом названия национальностей это богатый источник прозвищ, ср. прозвище Пушкина в Лицее «Француз» и прозвище героя Хемингуэя американца Роберта Джордана «Ingles» ‘англичанин’. Очевидно, что в качестве прозвища вокативный статус получают любые именные и даже не-именные группы, ср., например, прозвище героя исландских саг *Одд Помолимся* (*Oremus*)[6]. Использование языковой единицы в качестве прозвища это тривиальный (или абсолютный) воктивизирующий контекст. По поводу национальностей заметим, что люди, которых называют Француз или Англичанин, в действительности, как правило, имеют другую национальность: Пушкина называли Французом потому, что он хорошо знал французский язык и писал на нем стихи, а Роберта Джордана называли англичанином, потому что он говорил по-английски.

8. На примере названий профессий, которые в общем случае, как и национальности, тоже оказываются «плохими» обращениями (**Лингвист!*), можно показать, что включение профессионального признака в конкретный сценарий жизни, может возвратить имени профессии вокативную способность. Так, в обращении *Официант!* название профессии превращается в роль, которую представитель этой профессии играет в работе ресторана. *Официант!* – это обращение к официанту посетителя ресторана. Существенно также, что здесь перед нами ситуация зова официанта. Если официант уже обратил свое внимание на посетителя, посетитель не станет обращаться к официанту со словом *официант*: имена ролей служат только для зова (calls), но не для поддержания коммуникации, см. подраздел 3.3 ниже. В этих условиях «официант» это уже не профессия, а роль. Очевидно также, что названия профессий и занятий, как и названия национальностей, это богатый источник не только имен ролей в ситуациях и жизненных сценариях, но и прозвищ, ср.: *Мясник, Пианист, Давид Строитель, Бьерн Мельник*.

---

[6] См. Стурла Тордарсон. Сага об исландцах. — Пер. с древнеисл. А.В. Циммерлинга. СПб, Алетейя, 2007. С. 508.

Рассмотренные параметры контролируют выбор лексем на роль обращения, в частности, оказывают на выбор лексических единиц своего рода «возмущающее воздействие», которое дает «плохим» обращениям право использоваться вокативно.

2. Вокативный потенциал имени

Выше было показано, что в вокативах различных типов одни и те же именные группы могут использоваться по-разному. Именования людей выступают в функции обращений с учетом тех ограничений, которые накладывает на лексическую семантику вокатива частная вокативная иллокутивная сила (ибо вокативы бывают зовом, средством поддержания контакта, компонентом идеологических воззваний), прагматический контекст и культурные установления. Между тем некоторые имена способны выступать в базовых типах обращений практически в любых прагматических условиях. К таким относятся личные имена (*Вася!*), многие термины родства (*мама!*), некоторые имена отношений (*Коллега!*; *Друзья!*). Другие имена также имеют широкий диапазон применимости, но тем не менее используются более ограниченно, чем личные имена. Это фамилии (*Иванов!*) с более узким, чем у личных имен спектром прагматических ситуаций, в которых они встречаются, уникальные именования участников ситуаций и сценариев (*Свидетель!*; *Докладчик!*; *Официант!*). Существует и обширный класс имен, которые практически никогда не играют роль обращений (?*Врач!*; ?*Таксист!*; ?*Студент!*; ?*Китаец!*). Лексемы из этого класса требуют специальных условий для вокативизации, таких, как генерическое употребление (в призывах и лозунгах), включение в вокативизирующие конструкции, контекст контраста или превращение в прозвища.

Ниже для анализа обращений мы предлагаем использовать понятие вокативного потенциала именной группы. Это понятие вводится для выделения лексических единиц, которые либо выступают, либо потенциально способны выступать (но не выступают по не-языковым причинам) в функции обращения. Понятие вокативного потенциала позволяет отделить собственно языковую семантику слова от компонентов смысла и связанных с ними ограничениях, которые определяются не языком, а культурной традицией. В связи с понятием вокативного потенциала, который теоретически может быть достаточно высоким, но фактически остается нереализованным, приведем в качестве примера пару слов *бабушка* и *прабабушка*, имеющих одинаковый вокативный потенциал, из которых в качестве обращения регулярно используется только первое: прабабушку обычно называют просто бабушкой. У всех имен родства высокий вокативный потенциал, но не все из них закрепились в речи как вокативы. Лексемы *теща, сноха, кузен,*

прабабушка могли бы стать обращениями и, возможно, станут ими в какой-нибудь момент, но не стали в связи с соответствующими культурными обычаями.

Понятие вокативного потенциала позволяет объяснить поведение лексических единиц в вокативной коммуникативной роли. Оно, однако, не избавляет от необходимости фиксировать в словаре, функционирует ли конкретная лексема как обращение.

Итак, *Вася* и *коллега* это лексемы с высоким вокативным потенциалом, у слов *водитель*, *свидетель* и *докладчик* вокативный потенциал также достаточно высок, а у слов *врач*, *таксист* и *узбек* низкий вокативный потенциал. Начиная с этого момента, наша задача – показать, какие общие элементы семантики имеются у слов с высоким и низким вокативным потенциалом.

3. Соответствие между лексическими значениями и вокативными иллокутивными силами

Для анализа вокативного потенциала слова выделяется две основные вокативные роли и пять лексических классов существительных.

Релевантные вокативные роли:

1) обращение, которое используется для инициации общения (зов, или call);

2) обращение, которое используется для поддержания общения (address).

Релевантные лексико-семантические классы:

1) существительные, обозначающие таксономические классы людей (*солдат, студент, врач, таксист, узбек*);

2) слова оценки (*умница, красавица, предатель, благодетель, искуситель*);

3) слова, называющие роли людей в онтологических сценариях и ситуациях (*истец, ответчик, дежурный, старший, вратарь, защитник*);

4) реляционные имена, называющие родственное, социальное или возрастное отношение слушающего к говорящему (*мама, дедушка, крестный, шеф, коллега*);

5) имена собственные (*Вася*, *Марья Ивановна*, *Иванов*).

Мы выделяем именно этот набор вокативных функций, с одной стороны, и лексико-семантических классов слов, с другой, потому что, по нашим данным, комбинации соответствующих иллокутивных и лексико-семантических значений по-разному проявляют себя в вокативном контексте. Так, мы не можем позвать слушающего, который не видит и не слышит нас, обратившись к нему со словами оценки **Негодяй, стой!*, потому что лексема *негодяй* не подходит для идентификации человека в

пространстве. Иначе, чем оценки, ведут себя в функции зова имена ролей. Уникальные роли в стандартных жизненных сценариях это типичные термины инициирующего контакт зова: *Свидетельница, расскажите нам, что вы увидели, когда вернулись домой?*. Между тем имена таксономических классов людей, как и имена оценки, с функцией зова не сочетаются: **Китаец, подойдите к окошку паспортного контроля!*. Ниже будут рассмотрены все сочетания выделенных вокативных функций с семантикой лексико-семантических классов для анализа их возможного использования в вокативном контексте.

В связи с анализом сочетаемости функций с лексическими семантическими параметрами сделаем два замечания. 1) Наш анализ не отражает всех различий, которые имеются между словами внутри классов. Так, отличия в функционировании имен и фамилий, безусловно, существуют, но здесь этот вопрос мы оставляем в стороне. 2) Слова в разных подзначениях могут принадлежать разным классам. Так, *официант* может принадлежать одновременно и первому классу как профессия, и третьему классу как роль в ситуации общения посетителя ресторана и обслуживающего сотрудника. Аналогично, в специальном контексте слова из первого класса могут приобретать оценочное значение. Так, *математик* может пониматься в значении ‘плохой математик’, например, как математик не умеющий считать, и обнаруживать соответствующие вокативные свойства.

3.1. Человек, наделенный постоянным или долговременным признаком

Обозначения людей, наделенных постоянным или долговременным признаком, который относит человека к устойчивому таксономическому классу людей, не используются как обращения ни при инициации (**Француз, можно вас на минуточку?*), ни при поддержании общения (**Я буду жить, врач?*). Случаи перехода в другой лексико-семантический класс и вхождение в возмущающие контексты мы сейчас не рассматриваем. Это множество имен составляет ядро именования человека в языке. Такое значение мы считаем собственно номинативным. Слова *солдат, таксист, врач, француз, узбек, горожанин* служат именованиями живых людей, а не их ролей, функций, титулов или имен. Врач это человек, который умеет лечить людей, солдат – это человек, который имеет звание рядового. В вершине толкования слова *солдат* стоит сема человека, или того, кто обладает сознанием, душой и телом. Между тем толкование лексемы *генерал* (в ее основном значении) имеет в вершине сему армейского звания (чина, титула), что немедленно повышает вокативный потенциал слова *генерал* в этом значении. Концепт чина актуализуется в ситуации общения, потому что в нем отражается одна из социальных

иерархий, позволяющих говорящему обращаться к слушающему как к старшему (или младшему, если к генералу обращается маршал)[7]. Соответственно, подзначения, сформированные концептом чина, попадают в класс 4, у членов которого высокий коммуникативный потенциал.

Важные концепты, формирующие таксономические классы, это национальности и профессии. Соответствующие лексемы служат «плохими» идентификаторами, потому что, если говорящий и в состоянии определить по внешности незнакомого человека его национальность или профессию, то использование соответствующих догадок в качестве обращений выходит за рамки нормативного общения. Таким образом, у слов таксономических классов слаба идентифицирующая функция, поэтому они не служат как термины зова (как calls). Для поддержания общения они тоже не используются, так как их семантическая структура лишена идеи положительного отношения говорящего к слушающему, которое необходимо для общения.

Некоторые термины, обобщенно называющие людей по принадлежности к национальным группам, используются как инвективы, ср. *чурка, чучмек, пиндос*. Эти термины сильно эмоционально окрашены, фактически они представляют собой оскорбительные прозвища, поэтому с точки зрения языка они имеют высокий вокативный потенциал.

Среди слов, обозначающих человека, который обладает постоянным признаком, отдельно выделяется подмножество имен, обозначающие человека как Homo sapiens (*человек, люди, народ*) и его гендерно-возрастные характеристики (*мужчина, женщина, мальчик, девочка*). Этот подкласс класса таксономических признаков обнаруживает особые вокативные свойства.

3.1.1. *Человек и его гендерно-возрастные модификации*

Особый класс имен составляют имена со значением половых и возрастных характеристик человека. Некоторые из них, в отличие от большинства слов, указывающих на такие более частные признаки, как национальность или профессия, способны играть роль обращений. Эти слова служат аналогом местоимений второго лица при общении с незнакомым адресатом.

Хорошими идентификаторами такие имена не являются. Будучи семантическими аналогами местоимений второго лица, они играют роль обращений в следующих случаях:

---

[7] Выделяя особый тип многозначности ‘чин’ vs. ‘человек, имеющий этот чин’ и приводя соответствущие примеры, Ю.Д. Апресян характеризует в данном случае направление семантической деривации от значения ‘звание <степень, чин>’ к значению ‘человек, носящий это звание’ (Апресян 1974: 202). В качестве особого класса слов, сформированных концептом ‘чин’, Ю.Д.Апресян приводит следующие примеры: *академик, барон, главврач, граф, доктор, доцент, император, камер-юнкер, кандидат, канцлер, магараджа, майор, полковник, президент, премьер*.

в условиях уже начатой коммуникации, в контексте специальных жестов, вводящих коммуникантов в контакт, в условиях отсутствия выбора слушающего (например, когда в пределах слышимости у говорящего имеется только один потенциальный слушатель или, наоборот, когда слушателей много и говорящий обращается ко всем присутствующим), а также при законченной коммуникации, если она незапланированно возобновляется (ср. *Женщина, сдачу забыли!*). Если такие обращения не произносятся подчеркнуто любезным тоном, они никак не могут служить вежливыми обращениями, и используются очень ограниченно из-за неспособности поддержать нормальное, т.е. дружелюбное, общение.

Слова со значением ‘человек’ (плюс гендерно-возрастная характеристика) требуют индивидуального рассмотрения. Лексема с наиболее общим значением *человек* в качестве обращения не используется[8]. Объяснение этому мы видим в том, что русское языковое сознание концептуализует конкретного единичного человека либо как мужчину, либо как женщину. И такое понимание реализуется в принятых (хотя и весьма ограниченно) и в не очень вежливых обращениях – к мужчине или к женщине. Человек же называется человеком не в обращениях к конкретному лицу, а, как правило, в обобщающих ситуациях, например в предикатной позиции, когда пол не играет существенной роли, или, наоборот, по мнению говорящего, даже мешает выражению смысла: *Я, пожилой человек, ожидаю уважения; Марья Ивановна – уважаемый человек; Подайте слепому человеку*.

Аналогично обращениям *мужчина!* и *женщина!* могут использоваться – хотя и тоже ограниченно – обращения *мальчик!* и *девочка!*. У обращений *девушка!* и *молодой человек!* иной – более выскокий – вокативный потенциал, потому что они содержат в своей семантической структуре сему отношения (положительного) к называемому объекту. Быть девушкой или молодым человеком в русской культуре хорошо: говорящий исходит из того, что человеку женского пола без различия возраста бывает приятно, когда к нему обращаются как к девушке.

Особую прагматическую ситуацию представляет собой обращение к множественной аудитории.

3.1.1.1.Обращение к многочисленной аудитории

Любые обращения к множественной аудитории имеют больший вокативный потенциал, чем обращения в единственном числе, потому что при обращении к множеству людей в существенной степени снимается требование идентификации слушающего в

---

[8] «Барское» обращение *Че-а-эк!*, адресованное официанту, как имеющее узко специальное значение мы опускаем, ср.: «А мы ему говорим: «**Че-а-эк**, шампанскава!». А сами мы, олигархи-предприниматели, белая кость, как-нибудь договоримся между собой...» (из Интернета).

коммуникативном пространстве. Говорящий обращается ко «всем присутствующим». В ситуации обращения ко «всем присутствующим» требуется имя, называющее человека и, одновременно, выражающее значение квантора всеобщности. Ближайшим претендентом на эту роль служит принятая в определенных ситуациях вокативная формула *Все присутствующие!* (которая – в своем буквальном понимании – полностью соответствуют тому значению, о котором здесь говорится), однако она не используется отдельно, а только служит завершением ряда типа *Уважаемый председатель, уважаемые члены совета и все присутствующие!*.

Другие претенденты на ту же роль – это именные группы, называющие Homo Sapiens во множественном числе (ср. обращение *Люди!* и его специально «вокативизированную» модификацию *Люди добрые!*)) или обозначающее обобщенное множество людей слово *народ*, а также гендерно-возрастные модификации Homo Sapiens: *Народ! Женщины! Ребята! Дети! Мальчики! Девочки!*. Причина отсутствия в русском узусе вокатива *Мужчины!* видится в том, что он культурно вытеснен *мужиками, господами* и *джентельменами.*

Имеется также большое количество маркированных (не вполне нейтральных) гендерно-возрастных именований человека, которые устойчиво используются в роли обращений, потому что содержат в своем толковании сему отношения – идею панибратства, принадлежности к одному кругу или к одной возрастной категории: *Мужики!; Бабы!; Девчонки!; Девчата!; Мальчишки!; Пацаны!*. У слов с выраженной идеей отношения, безусловно, больший вокативный потенциал, чем у слов, не осложненных соответствующими значениями.

3.2. Признак, воплощенный в человеке, или слова оценки

Слова оценки легко выступают в роли обращений, поддерживающих уже начатую ранее коммуникацию: говорящий хвалит или ругает слушающего, умиляется им или иронизирует. Как говорилось выше при постановке задачи, в роли зова, инициирующего контакт, слова оценки не используются. Говорящий не может позвать слушающего, еще не вступившего в коммуникацию, обратившись к нему со словами ?*Предатель, руки вверх!,* потому что тот, кого называют предателем (умницей, красавицей, солнышком, ничтожеством или дубиной) еще не знает, что он предатель (умница, красавица, солнышко, ничтожество или дубина) и не сможет отождествить себя с адресатом речи. Здесь можно только сказать *Руки вверх, предатель!*; *Ты, мерзавец, ступай прочь*!; *Вон, искуситель (соблазнитель, ничтожество)!*, т.е. только тогда, когда адресат уже осознал,

что речь направлена к нему. Таким образом, у слов оценки слаба идентифицирующая функция.

В принципе, порядок слов с начальным положением слова оценки возможен (*Предатель, вон!*), но только в том случае, когда говорящий уже располагает подтверждением вступления слушающего в контакт, например, когда коммуниканты находятся достаточно близко друг от друга и говорящий может реализовать соответствующий обращению жест. В любом случае, это не зов в чистом виде, потому что начало коммуникации здесь будет положено другими средствами.

При инициации общения оценкам необходим контекст специальных вокативизирующих конструкций с использованием междометия *эй* (*Эй, красотка!*), личных местоимений второго лица (*Ты, красотка, подойди-ка сюда!*), притяжательных местоимений первого лица (*Красотка наша!*; *Моя красотка!*), специальных вокативных жестов, способных инициировать контакт. Это значит, что «в чистом виде» обращения-оценки в качестве зова (calls) не используются.

В этом пункте обнаруживается наше расхождение с точкой зрения А. Цвикки, высказанной им, однако, по поводу английского материала, о том, что вокативные термины, поддерживающие уже инициированный контакт, пригодны и в функции зова: All address forms are usable as calls ‘Все вокативные формы, которые используются для поддержания уже начатого общения, могут использоваться и как зов’ (Zwicky 1974: 791). По нашим данным для слов оценки это неверно.

3.3. Роли людей в стандартных жизненных ситуациях

Слова, обозначающие роли людей в стандартных жизненных сценариях, могут становиться вре́менными аналогами имен собственных и, соответственно, служить для идентификации слушающего. Под стандартным жизненным сценарием мы понимаем сложившиеся в культуре ситуации и процессы с хорошо разработанным ритуалом. Вре́менные участники таких ритуалов играют закрепленные в культуре и в языке определенные роли. Примерами таких ролей служат участники развлекательных и спортивных игр (водящий, ведущий, защитник, вратарь, судья), ритуалов (жених, невеста, шафер, свидетель, подружка невесты), официальных процедур суда и следствия (истец, ответчик, подозреваемый, осужденный), собрания (председатель, докладчик), концерта (конферансье, ведущий, дирижер, первая скрипка), спектакля (режиссер, композитор, Мельник, Городничий, Гамлет). «Гамлет» здесь это одновременно и имя собственное, и роль, а актер, который играет Гамлета, вре́менно носит его имя. Аналогичную функцию в

общении, связанном с подготовкой спектакля или другого аналогичного действа могут иметь и такие именные группы, как Городничий, Мельник, Княжна Мери, а также слова *ведущий*, *дирижер*, *автор*, *режиссер*, *вратарь*, *судья* и *свидетель*.

Не все участники ритуализованных ситуаций имеют подходящие для идентификации коммуникантов имена. Более того, не все участники оцениваются как играющие релевантные роли. Так, рядовые участники игры в салки (кроме водящего), гости на свадьбе, зрители в зале, слушатели на докладе, пассажиры в салоне (кроме водителя) не имеют идентифицирующих имен. Более того, даже обязательные и уникальные участники могут не играть в ситуации выделенной роли. Так, в сценарии посещения ресторана решающую роль играют только официант, метрдотель и швейцар, а посетители ресторана выделенной функции не имеют. Соответственно, такие роли, как посетитель, клиент, пациент и завсегдатай не служат для идентификации коммуниканта в ситуации общения. Актуальные роли здесь играет только обслуживающий персонал. Не используются для идентификации слушающего и обязательные, но единственные – не противопоставленные другим участникам – участники устойчивых сценариев и ситуаций, такие как ездок, седок, всадник, наездник, едоки картофеля (ср. название картины Ван Гога). И наоборот, для целого ряда ситуаций и сценариев неизменно выделенными оказываются такие обобщенные роли, как старший и дежурный.

Роль участника ситуации может идентифицироваться как таковая только по отношению к другому участнику, которому противопоставлен первый. Так, обращение к официанту по его актуальной роли в ситуации релевантно только для посетителя ресторана, но не для уборщицы и не для гардеробщика. С точки зрения других сотрудников ресторана официант – это их коллега по работе. Аналогично, свидетель играет роль свидетеля в общении со следователем, адвокатом и судьей в момент суда, дознания, официального опроса. Как кажется, журналисты, другие свидетели того же происшествия и прохожие к свидетелю как к свидетелю не обращаются.

Роли людей в актуальных ситуациях служат каноническим способом вызвать докладчика к кафедре, свидетеля к месту дачи показаний, защитника – на скамейку запасных, дежурного по смене – к пульту управления. Таким образом, имена ролей – это типичные термины зова, они хорошо отвечают требованиям идентификации слушающего в коммуникативном пространстве. Для поддержания же общения термины ролей, как правило, не используются: человека называют свидетелем только в начале коммуникации, и для того, чтобы его можно было снова назвать свидетелем, требуется пауза: *Свидетельница, успокойтесь!*, но не ?*Свидетельница, успокойтесь, да перестаньте же, свидетельница, кричать!*. В последнем примере вторая встречаемость словоформы

свидетельница, как кажется, неуместна. Действительно, человек, идентифицированный как свидетель и представший перед взором говорящего, не нуждается в повторной идентификации. Официанта называют официантом только в ситуации, когда требуется привлечь его внимание. (Именно по отношению к официанту такая функция обращения оказывается особенно актуальной.) Когда же официант уже вступил с посетителем в коммуникацию, его уже не называют официантом, а обращаются к нему иначе.

В данном подразделе мы можем ответить на вопрос, возникший выше при постановке задачи, что отличает лексему *водитель* от лексем с близким значением *шофер* и *таксист*. *Таксист* и *шофер* концептуализуются в русском языке как называющие постоянный признак человека – его профессию. Между тем *водитель* может обозначать не только профессию, но и роль. Водитель это тот, кто в текущий момент времени сидит за рулем конкретного транспортного средства, поэтому лексема *водитель* способна быть «хорошим» обращением, а *шофер* и *таксист* нет.

3.4. *Реляционные имена*

Родственные или социальные отношения, которые слушающий имеет к говорящему, легко актуализуются в ситуации общения. Они способны выразить необходимое при дружественном общении отношение к слушающему как к старшему, равному или младшему. В класс реляционных имен входят слова, отражающие социальную стратификацию (табель о рангах), возрастную или родственную иерархию. Реляционные имена служат богатым источником устойчивых – закрепившихся в культуре – обращений, ср.: *шеф, начальник, папаша, дедушка, детка, друзья, сестренка, земляк*. При этом, как правило, слушающий не является начальником, отцом, дедушкой и даже коллегой говорящего. Вокативный потенциал реляционных имен может сравниться только с вокативным потенциалом имен собственных, специально предназначенных для вокативной роли. Реляционные имена, отвечающие требованиям именования родственников, принятых в кульуре, так же, как и имена вре́менных ролей, но уже на постоянной основе, могут становится аналогами личных имен: *мама, папа, крестная, бабушка, дедушка*.

Таким образом, становится объяснимым различие в способности к вокативному употреблению лексем *доктор* и *врач*. Понятие доктора предполагает не только умение лечить людей, но и положение доктора в обществе как ученого человека, к которому окружающие его «неученые» люди относятся с почтением. Он для них доктор, начальник, благодетель, старший. Доктор занимает определенное положение в социальной

стратификации, которая актуализуется в момент общения. *Доктор* может использоваться в обеих основных коммуникативных функциях, и как зов в начале вступления в контакт, и для поддержания уже инициированного контакта. В концепцию же лексемы *врач* принадлежность к социальной иерархии не входит, что объясняет различия в вокативном потенциале лексем *доктор* и *врач*.

Имена родственных отношений легко соединяются с диминутивными и гипокористическими суффиксами, что придает соответствующему обращению дополнительный вокативный вес: *папаша, сынок, браток, дружок, начальничек*. При этом первичное родственное или другое значение, как правило, выветривается.

3.5. Имена собственные

У имен собственных максимальный вокативный потенциал. С точки зрения языка они служат идеальными идентификаторами. Употребление имен собственных как «хороших» идентификаторов полностью согласуется с прагматической функцией привлечения внимания слушающего (ролью зова). Кроме того, в сочетании с интонацией парентезы (ровным и убыстренным произнесением) имена собственные прекрасно поддерживают уже начатое общение (*Я, Вань, такую же хочу*). Имена собственные используются в любых вокативных ситуациях, кроме генерических контекстов воззваний и объявлений, включающих развернутые дескрипции.

Никакого виртуального признака, относящего людей к определенным подклассам, в концепцию индивидуального имени собственного не входит[9]. С семейными именами дело обстоит иначе. В концепт семейного имени входит понятие принадлежности человека к семье или клану, имеющему определенную фамилию (*Иванов*) или одного отца (Ивана), по которому человека зовут Ивановичем или Ивановной. Специфика семейного имени состоит, в частности, в том, что Всволодовичей может быть несколько, а Ивановых – много, и такая множественность входит в концепцию семейного имени в языке. Индивидуальное же имя с точки зрения языка уникально, потому что в нем не заключено никакого признака, способного отнести человека к подклассу людей, и если у нескольких (или многих) людей имена совпадают, это представляет собой явление жизни, а не языка. У личных и семейных имен высокий, но различный вокативный потенциал. Анализ этих различий мы сейчас оставим в стороне. Решение этой задачи требует отдельного исследования.

---

[9] Об именах в отсутствие сигнификативного значения см. (Mill 1891: 20).

Результаты анализа согласования иллокутивных и семантических параметров обращений обобщены в таблице.

	I	II	III	IV	V
Тип значения существительного	Собственно номинативное значение	Адъективное значение	Предикатное значение	Реляционное значение	Имя собственное
Толкование значения	‘таксономический класс людей’	‘оценка говорящим слушающего’	‘роль в ситуации’	‘отношение слушающего к говорящему’	‘имя’
Примеры	*врач, студент, узбек, солдат, таксист, спасатель*	*умница, предатель, благодетель, спаситель, искуситель, дубина, разбойник, котик, ласточка*	*ответчик, истец, обвиняемый, подозреваемый, докладчик, зашитник, вратарь, свидетельница, провожающие, встречающие, дежурный*	*отец, мама, учитель, шеф, генерал*	*Вася, Марья Ивановна, Иванов, Николавна*
Вокативная функция	-Calls -Addresses	- Calls +Addresses	+ Calls -Addresses	+ Calls +Addresses	+ Calls +Addresses
Контекст инициации общения (зов, Calls)	**Врач, я буду жить?* **Француз, можно вас на минуточку?*	**Предатель, руки на капот!* **Умница, поди сюда!*	*Докладчик, ваше время истекло* *Свидетельница, прошу дать показания*	*Доктор, я буду жить?* *Мама, иди сюда*	*Вася, твое время истекло*
Контекст поддержания уже инициированного общения (Addresses)	**Я буду, врач, жить?* **Вы прекрасно говорите по-русски, китаец*	*Руки на капот, предатель!* *Помолчи, умница!*	*?Ваше время истекло, докладчик.* *?Ваше, защитник, место на скамейке штрафников*	*Спасибо, отец!* *Век вам, доктор, буду благодарен*	*Большое спасибо, Вася!* *Твое, Вася, место на скамейке запасных*

***

Рассмотрено разнообразие дискурсивных функций обращений и соответствующая этим функциям лексика. Обращения могут быть направлены на инициацию коммуникации, на ее поддержание коммуникации, на выделение потенциального исполнителя абстрактного, но благородного действия в слоганах и воззваниях (*Пролетарии, всех стран соединяйтесь!; Студент, гордись тем, что ты учишься в лучшем педагогическом вузе страны!*), на ограничение потенциальных адресатов объявления (*Пассажиры с диареей,*

прибывшие рейсом DL860 из Нью-Йорка, вас ожидает «Скорая помощь» у трапа самолета).

Выбор лексемы, именующей адресата, согласуется с функцией обращения в дискурсе, что объясняет ограничения, которые накладывает на лексическую семантику именной группы апеллятивное употребление. Так, при выборе лексем, играющих роль обращений, которые инициируют или поддерживают общение, действуют довольно жесткие запреты, а семантика генерических воззваний к анонимному адресату и обращений, содержаших развернутые дескрипции, может быть достаточно широкой.

Было выделено пять основных семантических типов существительных, именующих людей: 1) таксономические классы людей, обладающих постоянным или устойчивым признаком; 2) оценки (*предатель, сумасброд, благодетель*); 3) роли людей в жизненных ситуациях (*докладчик, свидетельница, очевидец, истец*); 4) отношения, родственные, социальные, профессиональные, возрастные (*мама, шеф, генерал, господин, земляк*); 5) имена собственные (*Вася*). Некоторые существительные в зависимости от контекста могут относиться к разным классам. Так, *официант* может принадлежать классу 1 как профессия и классу 3 как роль.

Анализ показывает, что комбинации этих семантических классов с различными апеллятивными функциями имеют разные ограничения. Так, для инициации общения наиболее существенной оказывается функция идентификации адресата в коммуникативном пространстве, и этому требованию наилучшим образом отвечают личные имена (*Вася!*), отношения (*Мама!; Босс!*) и именования уникальных ролей, которые люди исполняют в ситуациях и жизненных сценариях (*Свидетель!; Дежурный!*). Между тем оценки для инициации общения не используются, потому что у них слаба идентифицирующая функция: адресат, не ожидающий внимания со стороны, к которому говорящий решил бы обратиться со словами *Сумасброд!* или *Спаситель!*, не сможет идентифицировать себя в коммуникативном пространстве, потому что он еще не знает, что он сумасброд, спаситель, обольститель или предатель. Для поддержания же уже начатой коммуникации существительные со значением оценки используются весьма широко: *Руки вверх, предатель!*.

Выделенные закономерности говорят только о вокативном потенциале слова, который не всегда реализуется в общении по причинам, связанным с культурными традициями. В нашем анализе на первый план выходят собственно языковые параметры, которые позволяют объяснить некоторые запреты на лексическое заполнение вокативной позиции.

Специальные «вокативизирующие средства» расширяют вокативные возможности слов с низким вокативным потенциалом и снимают многие запреты. Это политесные слова *дорогой, уважаемый, милая*, вокативное междометие *Эй!,* местоимение *ты* (*Ты, лингвист!*), диминутивные суффиксы (*Солдатик!*).

Можно также заключить, что в результате анализа вокативной функции имени получена семантическая классификация существительных[10], которая — предположительно — может быть применима к анализу других явлений языка.

Литература

Апресян Ю.Д. Лексическая семантика: синонимические средства языка. М.: Наука, 1974.

Арутюнова Н.Д. Номинация и текст. Номинация – обращение. — Языковая номинация. Виды наименований. М.: Наука, 1977. С. 340 – 344.

Даниэль М.А. «Новый» русский вокатив: история формы усеченного обращения сквозь призму корпуса письменных текстов. — Корпусные исследования по русской грамматике. М., Пробел-2000. 2009. 224-244.

Кронгауз М.А. Обращения как способ моделирования коммуникативного пространства. — Логический анализ языка. Образ человека в зеркале разных языков и культур. М. Индрик. 1999. С. 124-134.

Светозарова Н.Д. Фонетические особенности русских антропонимов. — Фонетика сегодня 2010. Институт русского языка. С. 113-115.

Супрун А.Е. О русских числительных. Фрунзе. 1959.

Супрун А.Е. Имя числительное и его изучение в школе. Москва: Учпедгиз, 1964.

---

[10] Так, анализ сочетаемости существительных с собирательными числительными позволяет выделить класс людей, обладающих постоянным признаком, который регулярно образует с собирательными числительными числовую форму (*трое врачей, пятеро узбеков, четверо солдат*), и класс имен, титулов, чинов, и ролей, которые, наоборот, не сочетаются с собирательными числительными (**двое Иванов,*трое истцов,*двое моих дедушек*), см. (Янко 2002; Yanko 2004). Таким образом, для двух важнейших подклассов именований человека – собственно людей, с одной стороны, и их имен, чнов, титулов и ролей – с другой, собирательные числительные и обращения дают «зеркальную» картину: с чем совместимы одни, несовместимы другие. Интересно также, что ограничения на сочетаемость с собирательными числительными личных имен не распространяются на семейные имена – фамилии и отчества, потому что фамилия отражает не только личное имя, но и соотносит носителя отчества или фамилии с классом людей, которые в силу концепта отчества и фамилии имеют одно и то же отчество или одну и ту же фамилию. Таким образом, личное имя отличается тем, что не имеет концепта и служит только «меткой», ср. (Mill 1891). Между тем фамилия и отчество по определению относят людей к классу – семье (*Всеволодовичи*) или клану (*Ивановы*). Отсюда и полная нормативность сочетаний *трое Ивановых, двое Всеволодовичей, шестеро Джеретти*, ср. (Супрун 1959: 80; 1964: 74). Сочетаемость функции вокатива с именами (*Вася*) и фамилиями (*Иванов*) также говорит об известных различиях в этих классах имен собственных.

Янко Т.Е. Русские числительные как классификаторы существительных. — Русский язык в научном освещении. N1 (3), 2002. С. 168-181.

Gladrow W. Система обращения в русском и немецком языках. — С любовью к слову. Festschrift in Honour of Professor Arto Mustajoki on the Occasion of his 60th Birthday (Lindstedt J, ed. al.). Slavica helsingiensia 35. Helsinki, 2008.

Mill J.S. A system of logic. London, 1891.

Rathmayr R. Nominale Anrede im gesprochenen Russischen, Serbokroatischen und Tschechischen. — Reuther, T. (Hrsg.): Slavistische Linguistik 1991, Slavistische Beiträge, 292, München 1992.

Schegloff, E.A. Notes on a conversational practice: formulating place — P.P. Giglioli (ed.) Language and social context. Harmondsworth: Penguin, 1972.

Schegloff, E.A. Sequencing in conversational openings — American anthropologist 70.6. 1968.

Zwicky A. Hey, whatsyourname! — Papers from the Tenth Regional Meeting of the Chicago Linguistics Society. Chicago: Chicago Linguistics Society, 1974. P. 787-901.

Yanko T. Russian Numerals with Nouns Denoting Human Beings . — General linguistics. N43. No. 1-4, 2004. Published by Pegasus Press, Ashville, North Carolina, and Chandler, Arizona. Pp. 61-84.

T. Yanko

Semantic parameters of the Russian vocatives

Words designating human beings have strict constraints on the use in the vocative function. The constraints can be explained by the semantic coordination of lexical semantic parameters with a pragmatic type of a vocative. Two main pragmatic functions of vocatives are to initiate the contact (or to call: *Vasja, obedatj!* ‘Vasja, it’s time to have dinner!’), and to keep the contact (or to address: *Spasibo, doctor!* ‘Thank you, doctor’). In order to be used as a call a word should be able to clearly identify the hearer in the communicative space; in order to address a word should express an attitude of the speaker towards the hearer. The relevant lexical classes are: I) taxonomic classes of human beings which have a permanent, or a long-lasting parameter (*vrach* ‘physician’, *frantsuz* ‘Frenchman’); II) evaluations (*krasavitsa* ‘a beauty’, *predatelj* ‘betrayer’); III) roles of people in situations (*istec* ‘complainant’, *dezhurnyj* ‘on-duty’); IV) relations of the hearer to the speaker (*mama* ‘mother’, *shef* ‘boss’, *zemljak* ‘compatriot’); V) personal names (*Vasja*). Personal names (V) are universal vocatives: they are used both as calls and as addresses. The ability to identify is displayed by the words of roles (III) and relations (IV) therefore they can be used as calls. Attitudes can be expressed by evaluations (class II) and relations (class IV): they are generally used to keep the contact. Whereas the words of the nuclear semantic class I are not used as calls, because they are poor identifiers, nor as addresses, because they do not express attitudes.